

ЛИТЕРАТУРА

УДК 812.161. «20» Бородаевский

Михайлова И.П.

Курский государственный университет

ПОЭТ В.В. БОРОДАЕВСКИЙ О «РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАВДЕ» К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

I. Mikhaylova

Kursk State University

POET V. BORODAYEVSKY ON «RELIGIOUS TRUTH» OF K. LEONTYEV

Аннотация. Статья посвящена анализу публикаций поэта В.В. Бородаевского в начале XX века «О трагизме в христианстве» и «О религиозной правде Константина Леонтьева». Рассматриваемые социально-философские и религиозные стороны учения выдающегося русского мыслителя, писателя и публициста К. Леонтьева оказали значительное влияние на формирование личности поэта В. Бородаевского, который, пытаясь установить закономерность эволюции взглядов и жизненного пути К. Леонтьева, осветить единство его идей, высказал своё весьма оригинальное мнение в «споре о христианской культуре». Однако Бородаевскому не удалось избежать противоречий в оценке К.Н. Леонтьева. Наряду с ценными, интересными и верными по своей сути мыслями и наблюдениями в работах В. Бородаевского, на наш взгляд, содержится ряд спорных положений. Малоизвестные публикации Бородаевского о К.Н. Леонтьеве, несомненно, важны не только для понимания самобытного наследия русского философа, но и раскрывают духовный мир поэта В. Бородаевского.

Ключевые слова: Серебряный век, Бородаевский, Леонтьев, социально-философский, религиозный, апокалипсис, духовный мир поэта, эклектизм.

Abstract. This article analyzes the publications of the poet V. Borodayevsky at the beginning of the 20th century “On the tragedy of Christianity” and “On religious truth of Konstantin Leontyev.” Studied social and philosophical and religious teachings by prominent Russian philosopher, writer and journalist Leontyev had a significant influence on the personality of the poet V. Borodayevsky who, when trying to establish the regularity of the evolution of views and way of life of Leontyev, to highlight the unity of his ideas, expressed his very original opinion in the “debate about the Christian culture.” However, Borodayevsky could not avoid controversy in the evaluation of K. Leontyev. Along with valuable, interesting and true in its essence thoughts and observations in the works of Borodayevsky, in our opinion, there is a number of controversial provisions. Little-known publications of Borodayevsky on K. Leontyev are, of course, important for understanding the distinctive heritage of the Russian philosopher and the inner world of the poet V. Borodayevsky.

Key words: Silver Age, Borodayevsky, Leontyev, social, philosophical, religious, apocalypse, spiritual world of the poet's eclecticism.

Закономерный интерес деятелей науки, культуры и искусства рубежа XIX-XX веков к идеям выдающегося русского религиозно-мыслителя и писателя Константина Николаевича Леонтьева (1831-1891) объясняется поисками таких путей духовного преобразования жизни, которые вывели бы общество из назревавшего кризиса; именно это вызвало в русской культурной среде острую потребность в религии. Современники К.Н. Леонтьева, постигая его философское наследие, испытывали некоторую двойственность: с одной стороны, «ренессанс» хотел «обнаружить в его творчестве объединяющую идею <...> или же её принципиальное отсутствие», но, с другой – «не преуспел в постижении многогранного образа мыслителя, не укладывавшегося в прокрустово ложе схем и чётких формул» [6, с. 432]. О месте Леонтьева в ряду представителей русской философской и социально-политической мысли писали Л.Н. Толстой и Н.А. Бердяев, В.С. Соловьёв и В.В. Розанов, В.В. Зеньковский и многие другие. Среди многочисленных публикаций начала XX века о наследии К. Леонтьева особое внимание привлекают две статьи курского поэта Валериана Валериановича Бородаевского (1874-1923), самобытного поэта религиозно-философского склада эпохи Серебряного века, весьма незаурядной личности, чьё поэтическое дарование было высоко оценено, например, Вяч. Ивановым, Н.С. Гумилёвым, которые видели в нём продолжателя традиций философской лирики Е.А. Боратынского и Ф.И. Тютчева.

Духовные поиски истины, часто мучительные, сопровождали Валериана Бородаевского всю жизнь; они были отражением характерной особенности времени, отличавшегося любовью к философии, поисками нового Бога, смысла жизни и даже рецептов бессмертия. Сам В. Бородаевский считал, что его мировоззрение складывалось как «под перекрестным влиянием В. Соловьёва, Н. Фёдорова и, еще интимнее, К. Леонтьева», так и во время «посещения уединённых монастырей и пустынь. В Оптиной провёл я

самые блаженные минуты моей жизни» [1]. Акцент на испытанные «блаженные минуты» был неслучаен: эти «блаженные минуты» станут краеугольными в статье поэта «О трагизме в христианстве» (1903), опубликованной в «Русском вестнике». Эта первая статья В. Бородаевского о Константине Леонтьеве «была в сущности песней о грозном суде над человеческим сердцем, брошенном в кучу соблазнов и метаний» [1], явилась веским словом поэта в споре о сущности христианской культуры.

Обращаясь к осмыслению глубинных вопросов, как-то: в чём искать дух христианства, в чём его истинная сущность и, наконец, в чём заключается трагизм христианства, Бородаевский заключает, что христианство основано на принципах аскетизма: «Христианство утверждает аскетизм; как бы ни строили нашу жизнь, – мышление наше, чтобы быть христианским, должно принять этот положительный знак воли христовой...» [3, с. 617]. Самые высокие моменты в жизни человека, по мнению автора, «это моменты забвения своего “Я”» [3, с. 617]. В. Бородаевский с поэтическим прозрением отмечал, что «моменты, иногда столь далёкие от всех наших представлений о счастье и наслаждении, являются кардинальными точками, основами, на которых покоится другой, неизвестный нам порядок мира» [3, с. 617]. Эти «моменты» Бородаевский называет «нравственным благом». Свои размышления поэт иллюстрирует притчевым примером «о голодном и куске хлеба»: «Если вы даёте голодному кусок хлеба – земное благо будет в том, что вы утолите острое страдание; но благо истинное не в самом хлебе и не в чувстве сытости, а только в том волевом акте, которого вы явились носителем. Нравственное удовлетворение, являясь как бы условным знаком блаженства, намёком на него, указывает вам правоту поступка. Благо для нищего может не сопровождать вашего; истинное благо для него наступает в тот момент, когда он, голодный, отломит от вашего хлеба половину и передаст другому» [3, с. 618].

Находясь под сильным влиянием идей В.С. Соловьёва, Бородаевский утверждал, что мир движется к апокалипсическому концу. Причину этого он видел в современном ему состоянии мира, которое далеко от совершенства и вряд ли сможет к этому совершенству приблизиться. Таким образом, в качестве основополагающего начала миропонимания Бородаевского выступал трагизм в восприятии жизни, который привёл к осознанию трагичности христианской религии, корень которой он видит в разладе между благом земным и вечным, в жгучей распре между «хочу» и «должен». Иными словами, для Бородаевского христианство трагично, так как на земле не торжествуют христианские идеалы.

Выступление Бородаевского в 1910 году в Религиозно-философском обществе (Петербург) с докладом «О религиозной правде Константина Леонтьева» имело широкий резонанс, чему было несколько причин. Во-первых, религиозно-философские собрания «были в истории русского общества событием исключительным» [12, с. 470] и представляли собой «фактически первую попытку восстановления целостности русской культуры путём преодоления разрыва двух “миров” – светского и церковного» [7, с.17]. Маргарита Андреевна Бородаевская, жена поэта, отмечала, что прения по докладу Бородаевского о религиозных исканиях Константина Леонтьева были весьма активные, но, к сожалению, самой рукописи доклада «почему-то не осталось, и много лет спустя я узнала в букинистическом магазине в Камергерском переулке от старого приёмщика книг, которому я продала Григоровича, на крышках которого было оттиснуто золотом “За успехи в науках Бородаевскому Валериану”, что у него на столе увидел эти книги приезжий из Сербии и сказал, что он купил у себя в Белграде книгу этого автора “Религиозная правда Константина Леонтьева”. Но связаться с этим человеком мне так и не удалось» [5]. Однако на счастье, в архиве священника И.И. Фуделя сохранился экземпляр рукописи этого до-

клада, подаренного тому самим В. Бородаевским.

Высоко отзываясь о личности Леонтьева, Бородаевский писал об отсутствии притворства, о смелости и оригинальности его мысли. Он полемизировал с В.С. Соловьёвым, чьё суждение о «неслиянности идеалов» К. Леонтьева, по мнению поэта, «было принято и вошло как общее место о Леонтьеве во всё, что о нём позже писалось» [2, с. 254]. Да, действительно, К. Леонтьев был весьма противоречив, вслед за многими Бородаевский тоже отметил, что К. Леонтьев – «мыслитель, раздираемый противоречиями, так и не смог до конца объединить религиозные чаяния с эстетическими запросами и страстями политика» [2, с. 254]. Но ценность статьи Бородаевского в том, что поэт, обращаясь к личности и наследию К. Леонтьева, определил для себя другую цель: для него было главным показать не противоречия Леонтьева, а «установить начало, образующее стихию его духа» [2, с. 256]. Определяя задачу своей работы как освещение религиозного воззрения Леонтьева, как необходимость «отметить ту правду, которую он утверждал», Бородаевский с сожалением констатировал, что «К. Леонтьев не был по достоинству оценён современниками», и пророчески предрёк, что мыслителю «суждена посмертная известность, возрастет интерес к его идеям» [2, с. 253].

В. Бородаевский убедительно доказал, что «многоликость его (К. Леонтьева. – И.М.) может быть понята лишь при общем начале» [2, с. 256]. Это *общее начало*, или «объединяющий центр», В. Бородаевский называл «инстинктом иерархизма», сближающим и охватывающим «обособленные сферы – эстетизма, реальной политики, мистики» [2, с. 253].

Обращение к «материалам» о человеке удивительных дарований, о его «религиозной правде» отразилось в лирике В. Бородаевского, где явно слышится леонтьевское православное восприятие мира: осознание греха и стремление к покаянию, смирение и жертвенность:

*Когда Господь метнёт меня на землю, –
Как кошка блудная на камень мостовой
Ударюсь когтем я и гневный вопль подъямлю;
И, выгибаясь жилистой спиной,
Гляжу к нему: с улыбкой наблюдает
Мой жалкий вид Господь – и, сумрачен, бреду...
Потом кричу: «Ты прав! Душа моя пылает!
Ты прав!» – кричу в молитвенном бреду.*

*И смотрит Он. Рука Его подъята,
И я бегу, и на руки Его
Бросаюсь, и ложусь так беззаботно-свято;
И гладит Он меня, лаская: «Каково?»
[4, с. 61]*

Глубоко проникнув в философские идеи Леонтьева, Бородаевский защищал «чуждые современному религиозному сознанию» [2, с. 253] основы христианства: страх, послушание, подвиг. Он считал, что именно «основы эти, являясь в историческом процессе вторичными, – генетически должны быть признаны начальными, исходными, потому что в душе человеческой любовь не предшествует страху, а следует за ним, свобода вырастает из послушания и благодать из подвига, а не наоборот» [2, с. 253]. Вслед за Леонтьевым, Бородаевский приходит к выводу, что «любовь как естественное личное расположение души есть дар, а не предмет религиозной обязанности, и потому не может быть задачей религиозного делания. Плодотворной любовь становится лишь на почве верующей и возрождающей души» [2, с. 254].

Аргументы, приводимые Бородаевским, говорят не об эпигонстве какого-либо рода с его стороны, а о принципиальном совпадении его взглядов со взглядами мыслителя, т. е. он полностью разделяет идею К.Н. Леонтьева, утверждавшего, что «религиозного происхождения нравственная любовь лучше естественной, что естественная доступна не всякой натуре, а только счастливо в этом отношении одаренной; а до религиозной любви или милосердия может дойти и самая чёрствая душа долгими усилиями аскетической борьбы против эгоизма своего и страстей» [8, с. 10].

Особенно близка была Бородаевскому идея «мистического страха», утверждаемая Леонтьевым: «Смесь страха и любви – вот чем должны жить человеческие общества, если они жить хотят» [9, с.10]. Бородаевский отметил, что понятие «страх» являлось значимой категорией в словаре Леонтьева, а в проповеди страха Божия для философа заключалось глубокое убеждение в реальности Божественного бытия и сознание опасности возбудить Его гнев; это чувство у Леонтьева сочеталось с сердечной верой. Как и К. Леонтьев, Бородаевский считал, что «возрождение начинается прежде всего страхом Божиим» [2, с. 253], и подробно рассмотрел такие понятия, как «духовный авторитет», «подвиг», «свобода и послушание» [2, с. 256]. Таким образом, общность утверждений Леонтьева и Бородаевского обнаруживает их глубинное родство, коренящееся в идентичности того идеологического пространства, на котором развёртывается их философствование.

Независимость Леонтьева от всякого догматизма и морализма подкупали Бородаевского, который, безусловно, был близок К. Леонтьеву и по складу характера, и по типу мышления, и по мировоззрению. Бородаевского привлекал парадоксальный аристократизм мыслителя: как и К. Леонтьев, В. Бородаевский из протеста к безбожию и неверию пришёл к вере и набожности; как и К. Леонтьев, В. Бородаевский всю жизнь стремился обрести тот «фундамент», ту основу, которая не даст ему «погибнуть метафизически и в земном круге не обратит «в мятущееся перекасти-поле» [2, с. 253]. Подбирая к философии К. Леонтьева «ключ, который раскрыл бы нам тайну этой сильной уединившейся души» [2, с. 253], Бородаевский тем самым дал потомкам своеобразный «ключ» к пониманию своего мировоззрения, коим и явились его работы, посвящённые «религиозной правде» Константина Леонтьева.

Поэт В. Бородаевский не только ощущал, что мир находится накануне грандиозных исторических потрясений, но и осознавал, что только вера поможет выстоять в надви-

гающейся эпохе новых небывалых всемирно-исторических раздоров:

Если твой посох расцвёл, кто помешает скитанью,

Кто преградит тебе путь, если ты с Богом идёшь?

[4, с. 61]

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бородаевский В.В. Автобиография (Архив С.А. Венгерова) // РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 586. (Б/с)
2. Бородаевский В.В. О религиозной правде Константина Леонтьева // Леонтьев К.Н.: **pro et contra**. Антология: В 2 кн. Кн. 1. – СПб., 1995.
3. Бородаевский В.В. О трагизме в христианстве // Русский вестник – 1903. – № 2.
4. Бородаевский В.В. Посох в цвету: Собрание стихотворений. – М.: Водолей, 2011.
5. Дневник М.А. Бородаевской // Личный архив внука поэта В.В. Бородаевского А.Д. Бородаевского. (Б/с).
6. Козырев А.П. Константин Леонтьев в «зеркала» наследников // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Антология: В 2 кн. Кн. 1. – СПб., 1995.
7. Криволапова Е.М. Зинаида Гиппиус и её время. – Орел, 2006.
8. Леонтьев К.Н. Наши новые христиане. Ф.М. Достоевский и гр. Лев Толстой. – М., 1882.
9. Михайлова И.П. «Мои шаги – так скорбно малы»...: Личность и поэзия В.В. Бородаевского. «Вестник МГОУ». – Серия «Русская филология». – 2007. – № 2. – С. 195-199.
10. Михайлова И.П. Религиозно-мистические мотивы поэзии В. Бородаевского. – Курск, 2009.
11. Михайлова И.П. Художественный мир поэта В.В. Бородаевского. – Орёл, 2010.
12. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. – Париж, 1937.